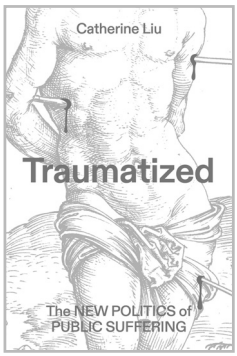
Андрей Гелианов

Изобретение травмы: как Опра Уинфри и «либералы» предали угнетенных

Андрей Гелианов (р. 1987) — писатель, исследователь культуры.

Traumatized: The New Politics of Public Suffering
Catherine Liu
London; New York: Verso 2026. — 192 p.

Кто такая Кэтрин Лю, я узнал (как, видимо, и еще 765 тысяч человек) из интервью[1] в рамках проекта «The Institute of Art and Ideas» под названием «Как либералы монетизировали травму. Кэтрин Лю о Марксе, Трампе и политике идентичности». В этом ролике исследовательница предстает остроумной, харизматичной и действительно увлеченной своей темой — все еще весьма рискованной для публичного обсуждения. Поэтому когда я узнал, что в издательстве «Verso» выходит оперативно подготовленная книга Лю на ту же самую тему, то сразу вызвался ее рецензировать, надеясь на интересное развитие затронутых в видео тем.

Скажем сразу: особенного развития по сравнению с видео тема «травмы-и-исцеления» как либерального конструкта не получает. Но обо всем по порядку. Начнем с увертюры:

> «Публичное признание в частной травме превращает глубоко личную историю, разрушающую человеческую жизнь, в стандартизированное повествование о разрыве и последующей реинтеграции. Оно подталкивает нас ко все более интенсивному взаимодействию с платформами сбора данных, где подобные сценарии травмы бесконечно воспроизводятся и тиражируются.
>
> Превращение самых интимных форм насилия и унижения в потребляемые нарративы не освободило нас ни от репрессии, ни от угнетения, как обещали наиболее радикальные феминистки второй волны. Зато культура травмы породила политику застоя и нарциссической фиксации на субъективности, понимаемой как “прожитый опыт” [*lived experience*], тем самым выхолостив сами основания либерализма» (p. 5).

Кто и против кого

О само́й исследовательнице мы знаем немного: родилась на Тайване; в возрасте четырех лет в 1968-м, пока в мире бушевали *культурные революции*, с семьей переехала в США, где, судя

1 Опубликовано 9 апреля 2026 года (www.youtube.com/watch?v=CS1Ng3CcAOs).

по всему, прошла типичный путь ребенка-вундеркинда; натурализовалась, получила образование в университете из Лиги плюща и приобрела широкую экспертизу — по «синоязычному кино, французской литературе, критической теории, политике идентичности и изобразительному искусству».

В течение нескольких десятилетий академическая карьера Лю, насколько можно судить, протекала тихо и без особых приключений — из интересного можно отметить разве что ее участие в качестве редактора в антологии «Сны об интерпретации: столетие на Королевской дороге» (2007) к (несколько запоздавшему) вековому юбилею «Толкования сновидений» Фрейда.

Первые шаги в сторону радикализации Лю предпринимает при администрации Обамы, выпустив — увы, незамеченную — книгу «Американская идиллия: академический антиэлитизм как культурная критика» (2011), в которой рассматривается «злоупотребление популистским недоверием к элитам и его связь с антиинтеллектуализмом в американской культурной политике». Однако по-настоящему поймать *свою* тему Лю удалось лишь во время срока Байдена в произведшей некоторый шум работе «Накопители добродетелей: аргументы против профессионального управленческого класса» (2021), где называется, наконец, имя ее врага — *professional managerial class*[2]. Эта абстрактная сущность (вызывающая в памяти как «Бредовую работу» Дэвида Гребера — описание практического *следствия* существования данного класса, — так и «Капиталистический реализм» Марка Фишера — описание *причины* его возникновения) будет так или иначе всплывать отныне во всех ее публикациях, включая рассматриваемую здесь.

> «Я надеюсь показать, что культура травмы овеществляет страдание и саму потребность говорить о нем, воспроизводя свидетельство и выживание как взаимозаменяемые продукты. Она достигает этого, пропуская опыт страдания через жестко выстроенный, стандартизированный сценарий выживания и исцеления, который изымает субъекта травмы из его истории, семьи, общества и экономики и помещает его в герметичное, лишенное воздуха пространство.
>
> Там он становится одновременно зрителем, потребителем и производителем все нового контента о травме. Будучи однажды усвоенным, этот сценарий травмы начинает функционировать как своего рода знак псевдополитической аутентичности для тех, кого либерализм относит к категории “маргинализированных”. Как идеологическое оружие культура травмы родилась на телевидении, затем перекочевала в литературу и либеральное политическое

2 Лю объясняет этот термин как «социальный класс в рамках капитализма, который, контролируя производственные процессы посредством занятия руководящей должности, не является ни пролетариатом, ни буржуазией».

пространство, а сегодня прочно укоренилась в социальных сетях. Она предлагает способ устанавливать связь друг с другом в глубоко опосредованной, псевдотерапевтической форме» (p. 5).

Начинается книга Лю с весьма интересных исторических экскурсов: оказывается, первыми робкими попытками сформулировать, что такое травма, задолго до Первой мировой был феномен *железнодорожного позвоночника* (*railway spine*) — нервно-болевого синдрома, который наблюдался у переживших катастрофу на железной дороге (тогда — новинке прогресса), не получивших физических увечий, но шокированных произошедшим. Лю также обращает внимание на эфемерность и растяжимость понятий вроде *prevention*, *awareness* и *risk*, которые используются в отчетах и документах как точные определения, строгие и исчислимые величины:

«Профилактические меры [*prevention*], основанные на статистике, информации, обработанной алгоритмами искусственного интеллекта, и образовательных программах, якобы позволяют добиваться лучших "результатов" для детей, входящих в группу риска. Но риска чего именно — этого мы предпочитаем не произносить вслух. Профессиональный управленческий класс может возразить, что под его руководством общество сегодня, как никогда прежде, "осведомлено" [*aware*] о детских страданиях. Однако защита детства так и не стала для Америки ни политическим, ни экономическим приоритетом, как для общества в целом» (p. 59).

Далее мы узнаем о другом шатком и довольно курьезном кирпичике фундамента, на котором воздвигнуто все современное здание травма-дискурса:

«Движение за права жертв возникло под лозунгом "Мы верим детям": обычный здоровый скептицизм по отношению к детским свидетельствам был отвергнут активистами, выступавшими с миссией разоблачения и охотно принимавшими обвинения (взрослых) в сатанинских ритуалах, убийстве животных и сексуальном насилии. Все это основывалось на распространении "новых психологических теорий", утверждавших, что вытесненные воспоминания о насилии могут быть достоверно извлечены с помощью терапии и гипноза, а затем использованы в качестве судебных доказательств для осуждения зловещих сексуальных преступников, якобы находящихся среди нас» (p. 20).

На этом исторические экскурсы, к сожалению, заканчиваются, и мы переходим к критике феминизма второй волны и «либералов», с которыми и останемся до конца книги.

Здесь нужно отметить, что «Traumatized» — *книга одной идеи*, которая непрерывно варьируется и повторяется (иног-

да буквально теми же словами, а иногда обогащаясь занимательными историческими примерами). В этом нет ничего плохого, тот же «Капиталистический реализм» Марка Фишера — тоже книга одной идеи (правда, в ней 80 страниц, а не 192), хотя и с более богатыми и остроумными примерами и выводами. И так же, как и в случае с Фишером (о котором Лю не упоминает, хотя и почти дословно воспроизводит некоторые его идеи, например «респонсибилизацию»), эта одна идея настолько важна и настолько трудно проникает в сознание из-за своего масштаба, что ее, пожалуй, действительно нужно повторить несколько раз и применить в разных контекстах.

В чем же упомянутая идея заключается? Начнем со следующей формулировки:

> «Культура травмы стала идеологическим инструментом, призванным оттеснить на второй план боевую политику рабочего класса. Политический субъект превратился в объективированный психологический тип, чья легитимность теперь основывалась на способности предъявить собственный “пережитый опыт” как свидетельство соответствия стандартизированной модели выжившего.
>
> Начиная с 1980-х психофармакологическая индустрия осуществила своего рода первоначальное накопление, распространив его на внутреннюю жизнь человека и коллективное психическое здоровье. Корпорации внезапно получили возможность извлекать прибыль из психологических страданий и психических расстройств.
>
> С медикализацией душевной жизни та область человеческого существования, которая прежде служила источником дохода для шаманов, жрецов и шарлатанов, была колонизирована психофармакологией — столь же хищнически, как захват общинных земель английской аристократией в позднефеодальную эпоху» (p. 87).

Это как раз то, о чем писал Фишер и многие после него: в XXI веке идея о том, что *вообще возможна* какая-то социальная справедливость, кажется абсурдной и нереалистичной, не отвечающей «естественному порядку вещей». Любые же страдания человека, вызванные несправедливостью и абсурдностью жизни в капиталистическом обществе, маркируются как *депрессия* или как иной персональный ментальный недуг; единственным решением этих проблем (кроме платной психотерапии) объявляется покупка дорогостоящих медикаментов, произведенных «большой фармой». Выгоду из этой ситуации извлекают все, кроме одураченного человека, но про него — в человеческом, собственно, измерении — никто всерьез и не думает.

«Культура травмы и феминизм второй волны сумели извлечь выгоду из джентрификации страдания, сосредоточив внимание на межклассовом опыте насилия, что позволило обойти куда более неудобные и политически острые вопросы экономической депривации и высокой распространенности жестокого обращения и пренебрежения детьми в условиях хронической бедности.

Любая попытка связать жестокое обращение с детьми с экономической и культурной депривацией была неприемлема для либералов, стремившихся любой ценой дистанцироваться от политики "культуры бедности". Согласно этой логике, жертвой детской травмы мог стать каждый — даже самый талантливый, богатый и привилегированный человек» (p. 30–31).

Любые страдания человека, вызванные несправедливостью и абсурдностью жизни в капиталистическом обществе, маркируются как *депрессия* или как иной персональный ментальный недуг.

На фоне этого, отмечает Лю, изменяется само представление о том, как устроена человеческая психика, причем в худшую сторону: овеществляющую и превращающую любую проблему в чеклист симптомов. Официально это было закреплено в медицинском справочнике «Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders»[3] начиная с его третьего издания. Лю приводит шокирующий пример того, как решение, повлиявшее на судьбы миллионов людей, принималось «на глазок», как будто речь про количество соли в супе:

> «Когда психиатра Уолтера Кэссиди, впервые предложившего диагностические критерии депрессии, спросили, почему он установил диагностический порог на уровне именно шести симптомов из десяти, он ответил: "Мне просто показалось, что это вполне подходит"».

Рассуждения Лю по своей логике близки к фишеровским, потому отсутствие его имени в книге местами выглядит странно. Например, некоторые пассажи явно вдохновлены текстом Фишера «Покидая вампирский замок»:

> «Я заметил увлекательный магический механизм инверсионной проекции-отрицания, когда одно лишь упоминание о классе автоматически воспринимается как попытка принизить значение расы

3 Данное руководство закрепляет принятую в США номенклатуру психических расстройств. Последняя версия вышла в 2022 году и вызвала скандал из-за того, что как минимум 60% ее составителей получали вознаграждение от компаний «большой фармы» (https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/38199616/).

и гендера. На самом деле все с точностью до наоборот: вампирский замок использует либеральное понимание расы и гендера, чтобы стереть классовую принадлежность. Ни в одном из всех абсурдных и болезненных споров о привилегиях в твиттере в начале этого года не присутствовало обсуждение классовых привилегий. Нашей задачей всегда было привлечение внимания к проблемам класса, гендера и расы, а основополагающий принцип вампирского замка заключается в том, чтобы заглушить класс на фоне других категорий. Вампирский замок призван ответить на вопрос: как обладать огромным богатством и властью и при этом выглядеть жертвой, маргиналом и оппозиционером?»[4]

У Лю та же тема — и даже относящаяся примерно к тем же кругам людей (которых она во второй срок Трампа уже не стесняется называть «либералами»[5], не скрываясь за метафорами вроде «вампиров») — звучит так:

«Подавляя исторические, материальные и социальные условия, в которых возникают травма и ее последствия, либеральные профессионалы навязали идеологически нагруженное и статичное представление о внутренней жизни человека. Превратив субъективное чувство дискомфорта в объективизированный факт, либерализм утвердил тиранию субъективного опыта в публичной сфере.

За последние полвека левые политические организации сами оказались заложниками разрушительной и репрессивной логики личного свидетельства, призванной парализовать любой объективный и материалистический анализ политических целей и конкретных общественных обстоятельств» (p. 125).

Далее Лю объединяет рассматриваемую тему с основной областью своих исследований, указывая на профессиональный управленческий класс как на причину такого положения дел:

«Либерализм травматической культуры — это политическое выражение американского профессионального управленческого класса, который разыгрывает спектакль собственного нравственного превосходства над оппонентами, одновременно маскируя свою безоговорочную преданность капиталу. Основанная на травме политика идентичности и порождаемая ею культура “выжившего-пророка” так и не смогли приблизить тот лучший мир, о котором мечтали социальные движения после 1968 года.

Напротив, культура травмы легитимирует общество, ставшее еще более неравным, более жестоким и более нестабильным. Отказываясь признать реальные изменения, произошедшие на уровне

4 Фишер М. *k-punk. Избранное*. М: Ад Маргинем Пресс, 2024. С. 152.

5 Под «либералами» Лю преимущественно имеет в виду администрации Клинтона, Обамы и Байдена, а также связанные с ними медиалобби, спикеров и институции. Еще совсем недавно такие вещи проходили по разряду «теорий заговора»: «многое из того, что мы называем “заговорами”, лишь примеры классовой солидарности внутри правящего класса».

репрезентации и борьбы с неявными предубеждениями, либералы из профессионального класса продолжают требовать сакрализации тщательно сконструированных, почти барочных идентичностей, существующих вне и поверх классовой принадлежности. Их культурная политика и разыгрываемые ими моралите нисколько не тревожат сон капиталистов» (p. 162).

То есть речь не о самом феномене травмы (он существует) и не о том, что несколько странно описывать одним и тем же зонтичным термином то, что пережили солдаты на войне, и то, что пережили женщины или дети в стенах своего абьюзивного дома. Речь о том, что «либералы» в XXI веке изобрели фактически *новую религию*, коллективный опыт, для соучастия в котором необходимо постоянное потребление медиа и постоянное в нем присутствие (основой для этой системы, по мнению Лю, стало выходившее с 1986 года «Шоу Опры Уинфри»). Вместо того, чтобы решать системные проблемы — все ширящаяся пропасть между бедными и богатыми, корпоративное лобби, отсутствие трудовых гарантий и охраны труда, отсутствие каких-либо перспектив, как рабочих, так и социальных, — вместо этого, пишет Лю, «либералы» используют раз за разом в показательных кейсах один и тот же механизм преображения-искупления.

Для этого медиа и сливающиеся с ними «люди во власти» точечно выбирают наиболее подходящие фигуры, которые пережили ужасные биографические события («выжившие», *survivors*), и вместе с ними фиксируют рассказ про все этапы исцеления, принятия себя и обязательно распространяют это знание. Таким образом (хотя вряд ли это закладывалось сознательно), получается любопытная вариация кэмпбелловского «пути героя»[6], где место инициатических испытаний занимает сам эпизод травмы, а финальным «возвращением в мир» с победой — способность публично артикулировать свой опыт, упаковав его в правильный и воодушевляющий с точки зрения *травма-метода* нарратив.

Инициация и инициатива

Здесь самое время вновь задуматься о проблеме, которую исследователи поднимали еще много десятилетий назад. Вкратце ее можно сформулировать так: в отсутствие четко маркированных

6 См. также «мономиф», концепцию из книги «Тысячеликий герой» (1949) Джозефа Кэмпбелла, основанную на вульгарном понимании работ Владимира Проппа о волшебных сказках. Эта концепция предполагает, что все классические истории обладают одинаковой структурой. Начиная со «Звездных войн» схема Кэмпбелла (в еще более упрощенной версии Сида Филда — «трехактная структура») используется в Голливуде практически в каждом мейнстримном фильме.

инициатических переходов человеческая психика со временем начинает страдать от отсутствия значимых смыслов — и в итоге наделяет переходным смыслом любые достаточно значимые события, которые происходят в жизни[7]. Однако нередко происходит с нами нечто плохое — и вряд ли что-то может быть более эмоционально заряжено, чем то, что в описанной Лю схеме неолиберального нарратива для обычного человека проходит под знаком травмы. Схема, популяризированная Опрой Уинфри и прочими, стала рабочей и приобрела всемирную популярность по той причине, что *травматический опыт — это единственная доступная сегодня подавляющему числу людей возможность инициации*.

В отсутствие четко маркированных инициатических переходов человеческая психика со временем начинает страдать от отсутствия значимых смыслов — и в итоге наделяет переходным смыслом любые достаточно значимые события, которые происходят в жизни.

Поэтому так важен именно опыт проговаривания травмы перед неограниченным кругом лиц, вербальное утверждение того, что травмированный прошел через этот опыт и обновился, исцелился, стал лучшим человеком, который теперь может своим примером вдохновлять и фактически исцелять других. Проговаривание этого нарратива и *создает* вещество реальности события, травма-монолог — это буквально перформатив. Можно сказать, что опыт травмы в драматургическом смысле прочно встал на место конфликта, без которого, как вам скажет любой голливудский сценарист, работающий по Кэмпбеллу, никакая история не получится.

Печально, что единственный конфликт, доступный человеку сегодня, это когда его так или иначе что-то травмирует, то есть он может пройти инициацию только пассивным путем. Было бы любопытно изучить, как на формирование этого феномена повлияла зрительская пассивность эпохи *восприятия контента* и, собственно, кинодраматургия (намеки на это в книге Лю есть).

Что из этого следует? Человек, прошедший травматическую инициацию, выглядит куда более *интересным* и ощущается

7 Эта проблема носит отчасти спекулятивный характер. К тому же она не до конца понята, в чем, в частности, можно винить Карла Юнга и Мирчу Элиаде, которые внесли изрядную путаницу в вопрос о *rites de passage* и мистериях в античном смысле. Основу изучению феномена инициации положила книга «Обряды перехода» («Les Rites de Passage», 1909) французского этнографа Арнольда ван Геннепа.

более сильным — что для него выгодно. В мире капиталистической конкуренции оказывается, что люди, не имеющие травмы в биографии (хотя бы «тяжелого детства и деревянных игрушек»), проигрывают тем, у кого травма есть, потому что последние уже как бы загодя своим нарративом «выживших» демонстрируют позитивные качества вроде силы и стрессоустойчивости. К действительно травмированным жертвам абьюза (и тем более к ветеранам войны с посттравматическим стрессовым расстройством) это никакого отношения уже не имеет.

> «Культура травмы предложила такой способ осмысления и обсуждения человеческого страдания, который сформирован общими интересами профессионального управленческого класса и самого капитала. Крупные фармацевтические компании определяют повестку врачей и исследователей; социальные платформы, основанные на тотальной слежке и извлечении данных, — работу представителей культурной индустрии, журналистов, университетских преподавателей, HR-менеджеров и руководителей различных институтов.
>
> Культура травмы насаждает характерную для управленческого класса навязчивую заботу о создании эмоциональной среды, полностью свободной от любых поводов для обиды и любого трения. Тем самым она способствует деквалификации работников, вынужденных действовать по заранее заданным интерсубъективным сценариям общения с начальством и коллегами, — сценариям, которые затем оборачиваются личной беспомощностью и параличом уже в частной жизни» (p. 16).

Происходит генерализация травмы и ее обесценивание, и вот уже сочинение о том, как именно тебя травмировала жизнь, становится необходимым для поступления не куда-нибудь, а в Гарвард. При оценке таких работ оценивается умение *упаковать их в нарратив*:

> «В 2022 году студенческая газета “The Harvard Crimson” опубликовала редакционную статью под заголовком “The Trauma Sweet Spot”, авторы которой размышляли о собственных вступительных эссе, построенных вокруг личной травмы и в итоге обеспечивших им поступление в один из самых престижных и богатых университетов США. “Травма […] это хороший сюжет. Более того — сюжет, достойный Гарварда”, — с горькой иронией замечают они.
>
> Сами авторы признавали, что необходимость превращать собственные страдания и травматический опыт в литературный материал ради поступления в университет в конечном счете оказалась для них унизительной и отчуждающей. Однако, как отмечает профессор социологии и афроамериканских исследований Гарвардского университета Мишель Ламон, подобные истории о травме постепенно превратились в стандартный шаблон тщательно

сконструированных биографий, демонстрирующих одновременно "исключительную успешность" [*hyperperformance*] и социальную мобильность» (p. 31).

Бомбы исцеления

Лю идет дальше и настаивает, что парадигма травма-метода прекрасно масштабируется на американскую внешнюю политику: неправильные, недемократические, травмированные диктатурой страны (вроде Ирака или Ирана) нуждаются в экспорте исцеляющей демократии, которая помогла бы им построить нарратив перехода из смутного травмированного прошлого в светлое будущее. При всей примитивности такого объяснения (и общей одиозности подхода Лю) эта метафора хорошо коррелирует со множеством реальных примеров американского политического вмешательства в дела других стран. Впрочем, тут заметно уже по упоминанию профессионального управленческого класса, что автор, по-видимому, увязывает материал со своими прошлыми публикациями:

> «Согласно парадигме *trauma studies* в международных отношениях, глобальные травмы сами по себе требовали американского терапевтического и военного вмешательства. *Pax Americana* должна была взять на себя распространение культуры травмы по всему миру. В последние годы "холодной войны" исследования травмы и их подход к историческому и личному страданию действовали рука об руку с культурой травмы, заново конструируя буржуазного субъекта — субъекта профессионального управленческого класса — как идеального нравственного актора и политическую силу, призванную творить добро. Общества, которые отрицали травмы прошлого и настоящего, объявлялись авторитарными и потому нуждающимися в реформировании или даже полном переустройстве по образцу либеральных демократий» (p. 175).

Значительное внимание книга уделяет и второй волне феминизма, в частности, Джудит Герман, написавшей основополагающую для всего травма-дискурса книгу «Травма и исцеление» (1992), которая неоднократно переиздавалась с новыми предисловиями (Лю внимательно изучает эти предисловия и фиксирует, как Герман держит, так сказать, нос по политическому ветру).

Здесь следует отметить технический момент. Травма прерывает, стопорит, замораживает то единственное, что делает нас людьми — непрерывную преемственность памяти, через которую мы формируем себя-субъекта, через уверенность, что все эти события происходили с одним и тем же человеком (хотя

сами мы можем меняться и очень сильно). Травма разбивает жизнь на две части: на кажущееся со временем все более идиллическим *до* и на *после*, которое до начала терапии в основном наполнено рефлексией, сожалениями, поиском бесконечных подвохов в идиллической фазе *до* и попытками отыскать ответ на вопросы «почему я?», «почему это случилось со мной?».

Колоссальное возмущение Лю вызывает широкая рекомендация Герман «метода наводнения» (*flooding technique*) для устранения этой прерывности на первой стадии терапии травматических расстройств. Данная практика заключается в том, чтобы позволить пережившему насилие вновь обратиться к травматическому опыту в безопасной обстановке и тем самым восстановить ощущение психологической непрерывности

Травма прерывает, стопорит, замораживает то единственное, что делает нас людьми — непрерывную преемственность памяти, через которую мы формируем себя-субъекта, через уверенность, что все эти события происходили с одним и тем же человеком.

(то есть устранить травматический разрыв, к которому психика все время возвращается, порождая симптом). Возмущение Лю вызывает этический контекст заимствования этого метода: Герман адаптирует его из работы психиатра Томаса Кина, согласно которому после прохождения терапии «методом наводнения» ветераны реже страдали от ночных кошмаров, приступов тревоги и депрессии. А затем она проводит параллель между этой методикой и работой чилийских психологов, лечивших жертв режима Аугусто Пиночета.

> «Заимствуя разработанный чилийскими специалистами метод, созданный для помощи жертвам антикоммунистических кампаний в Латинской Америке, поддерживаемых Соединенными Штатами, Герман вырывает его из геополитического контекста и превращает в универсальный терапевтический инструмент, который затем без лишних вопросов переносит в американскую клиническую практику.
>
> В эпилоге к изданию “Trauma and Recovery” (1992) ее рассуждения о международной политике, основанной на концепции травмы, полностью воспроизводят либеральную картину мира эпохи “холодной войны”, где глобальный конфликт сводится к противостоянию “тоталитарных” и “демократических” режимов — категорий, которые Соединенные Штаты, как правило, распределяли в соответствии с собственными политическими интересами.

Следуя этой логике американского либерализма времен "холодной войны", Герман утверждает, что "новые демократии Латинской Америки, Восточной Европы и Африки" помогают своим народам оправиться от всевозможных травм. […]

Замалчивание этого контекста становится еще более поразительным, когда Герман с подчеркнутой серьезностью обращается к проблеме безнаказанности после тщательно подобранного набора диктатур и войн. Словно политическая история представляет собой коллекцию взаимозаменяемых трагедий, которые можно рассматривать исключительно через призму психологического восстановления. […]

Поразительно, что в своей книге, ставшей международным бестселлером, Герман нигде не объясняет, *почему* в Чили 1970-х вообще пытали людей» (p. 75–78).

Что же до самой структуры травматического опыта-и-исцеления, то Лю отмечает ее двойственность, которая гарантирует существование паразитирующего на травма-откровениях жреческого класса толкователей, помогающих сплетать нарратив (особенно ясно это становится в последней главе про Опру Уинфри и множественное расстройство личности — об этом ниже).

«Если духовное знание, которым обладает выживший-пророк, удостоверяется его травматическим опытом, то его передача гарантируется и обеспечивается прогрессивным профессионалом».

Эти два допущения составляют важную часть современного буржуазного сознания профессионального управленческого класса. Сама история превратилась в зрелищный иммерсивный опыт: под эгидой культуры травмы как формы политики нас приучили к мысли, что единственный способ понять историю — погрузиться в субъективный опыт людей, переживших травматическое событие.

Объективный контекст, который помог бы понять условия, порождающие подобные преступления, все чаще сводится к минимуму или, в наиболее радикальных формах псевдопопулизма, сам по себе объявляется чем-то репрессивным и элитарным» (p. 120).

Умолчание и овеществление

Написана книга довольно сумбурно: текст изобилует постоянными риторическими повторами, а действительно глубокие мысли и интересные исторические примеры тонут в потоке плакатной риторики. Иногда Лю цепляется за какие-то совершенно неочевидные термины: кто-то в прошлом веке назвал, например, требования социальных гарантий (еда, крыша над

головой «банальщиной» (*humdrum*) по сравнению с абьюзкейсами — и этот эпитет *humdrum* автор язвительно будет повторять в самых причудливых комбинациях не менее шести раз, когда изначальный повод уже забылся.

Порой кажется, что Лю поддается гипнозу собственного высказывания и начинает верить ожившим образам, созданным ее же воображением. К примеру, она пишет о «Child Abuse Prevention and Treatment Act»: «определение жестокого обращения с детьми было сделано очень узким и намеренно скрывало любую связь между бедностью и жестоким обращением с детьми» (p. 49). Кто и зачем «намеренно скрывал» эту связь? Почему это все подается как заговор, а не может быть, как обычно бывает с бюрократией, невежеством или недоработкой? И, самое главное, откуда в консервативной никсоновской Америке 1974 года (до Уотергейта еще шесть месяцев) вообще было взяться на государственном уровне классовому сознанию, в отсутствии которого Лю упрекает автора законопроекта?

> «Ребенок, родившийся в бедности, подвергается значительно более высокому риску жестокого обращения или пренебрежения, чем ребенок, выросший в семьях профессионального среднего класса. Сегодня государственные учреждения и некоммерческие организации предпочитают не акцентировать внимание на этой статистике. Отказ обсуждать связь между экономической депривацией и жестоким обращением с детьми, возможно, объясняется стремлением не подыгрывать консервативной концепции “культуры бедности”, однако он полностью соответствует антиклассовой логике системы защиты детей, выстроенной теми, кто считает себя либералами.
>
> Игнорируя экономические причины, которые делают детей особенно уязвимыми, прогрессивные политики, специалисты и некоммерческие организации мешают увидеть объективную реальность экономической депривации и понять, что необходимо сделать, чтобы ее преодолеть. В публикациях о жестоком обращении с детьми, представленных в библиотеке Национальных институтов здравоохранения США, связь между бедностью и распространенностью подобных случаев почти никогда не упоминается» (p. 52).

Возмущение автора понятно и обоснованно: действительно, многие социальные исследования в капиталистических государствах склонны не замечать одну из причин проблем — финансовое неравенство. Вместо этого практикуется, как это называл Марк Фишер, *респонсибилизация* — то, что гражданин живет в плохих условиях, не имеет благ и склонен к саморазрушительному поведению, объясняется его индивидуальными проблемами, ленью и деградацией. Фишер в «Вампирском замке» еще в 2013 году высмеивал подобные обличения:

> «Работа по постоянному разжиганию реактивного возмущения заключается в бесконечном указании на вопиюще очевидное: капитал ведет себя как капитал (как неприятно!), репрессивные государственные аппараты такие репрессивные… мы протестуем!»[8]

Вместе с тем, если присмотреться к логике травмы-инициации через оптику респонсибилизации, то в этом действительно наличествует какой-то смысл — ведь многие, к примеру, выходцы из семей алкоголиков и наркоманов, смогли пробить себе путь на самый верх (см. например мемуары нынешнего вице-президента США Джей Ди Вэнса, выстроенные по этой структуре[9]).

Получается, что если конкретный кто-то *не смог*, то, значит, ему просто не хватило *силы воли* для того, чтобы усвоить урок, превзойти себя и стать успешным. Сам(а) виноват(а), что не захотел(а) целительно преображаться и становиться лучшей версией себя. Жуткая логика, но рынок работает именно по ней, и потому она постепенно и стала считаться «законом жизни» и «естественным положением вещей».

Дуэль с Опрой

Кульминация «Traumatized», где все линии изложения должны были композиционно сойтись, — суровый и пристрастный разбор деятельности и влияния Опры Уинфри[10]. Он занимает почти четверть и без того не слишком длинной книги. По тону изложения, по степени внимательности, с которой Лю изучает детали жизни Опры, используемые ею риторические приемы, законодательные лобби и случаи «переобувания в воздухе», можно заключить, что телеведущая ей решительно не нравится. Что ж, Лю имеет на это полное право, но действительно ли одна из прародительниц жанра ток-шоу заслуживает такого пристального анализа — и тем более таких масштабных обвинений?

Сначала Лю считает ее деньги и прямо связывает колоссальный успех Опры прежде всего с выбранной той стратегией исцеления от травмы в прямом эфире посредством разговора (очень телеевангелический, если задуматься, подход):

> «В 1986 году, согласно анализу доходов и активов, состояние Опры Уинфри было около 6,9 миллиона долларов. К 2024 году оно оценивалось уже в 2,8 миллиарда долларов. За это время Уинфри

8 Фишер М. *Указ. соч.* С. 157.
9 Vance J.D. *Hillbilly Elegy: A Memoir of a Family and Culture in Crisis*. New York: Harper Press, 2016.
10 Далее просто «Опра», так как телеведущая всемирно известна по этому мононимуи и является единственной известной носительницей данного имени (при рождении Уинфри получила имя *Орпа* и затем поменяла в нем буквы местами).

превратилась в публичную представительницу определенного типа жертвы — человека, от имени которого она требовала признания и которому сама же его даровала, последовательно вытесняя из разговора любые вопросы политических союзов или экономического перераспределения» (p. 137).

Оставим в стороне тот факт, что эта логика представляет собой хрестоматийный пример ошибки *non sequitur*, которая в данном случае настолько нелепа, что похожа на прямую манипуляцию: Лю предлагает нам поверить, что именно *благодаря* изобретению и поддержанию травма-дискурса (а не по причине, например, гениальных бизнес-способностей и/или знакомств в верхах, да и вообще за 40 лет много чего случилось) Опра и заработала свои миллиарды. Такого рода передергиваний у Лю хватает, особенно в финальной главе. Но она идет дальше, называя Опру (вновь без каких-либо доказательств, кроме ссылок на мнения других публицистов) «делательницей королей». Оказывается, именно созданный телеведущей моральный и культурный язык стал одним из условий триумфа Барака Обамы, а шестнадцать лет спустя неудачной кампании Камалы Харрис.

«В своей книге “The Age of Oprah: Cultural Icon of the Neoliberal Era”, опубликованной в 2008 году — незадолго до мирового финансового кризиса и избрания Барака Обамы президентом США, — Дженис Пек показывает, что публичный образ Уинфри был столь же “пострасовым” и успокаивающим, как и образ самого Обамы. Более того, именно она стала его “делательницей королей”. Обама столь же искусно воспроизводил интонации афроамериканской церковной проповеди, соединяя их с риторикой *New Age*, культуры самопомощи и дискурса психологического восстановления. Пек убедительно прослеживает превращение Уинфри из “королевы болтовни” в “феномен вдохновения” — фигуру национального примирения, подготовившую страну к президентству Обамы» (p. 139).

Наиболее показательным в этом ключе для Лю становится съезд Демократической партии 2024 года перед электоральной битвой с Дональдом Трампом:

«[К этому моменту] либерализм, основанный на риторике травмы, окончательно оформился […], в то время, как сама Демократическая партия не предпринимала почти ничего, чтобы остановить финансовые злоупотребления внутри страны или поддержку Соединенными Штатами геноцида за рубежом. Это противоречие нигде не проявилось столь наглядно, как на съезде демократов, где перед восторженной аудиторией выступали люди, пережившие сексуализированное насилие, рассказывая свои истории.

Неожиданным кульминационным моментом мероприятия стало появление Опры Уинфри[11]. В своей пятнадцатиминутной речи она представила Камалу Харрис как защитницу, появления которой жертвы ждали долгие годы. Победа Харрис, обещала Уинфри, станет искуплением страданий тех, чьи свидетельства только что прозвучали со сцены. Дональд Трамп, которого она характеризовала как сексуального хищника, должен быть побежден. Харрис защитит не только женщин, но и Конституцию, и саму американскую демократию. Причем сделает это с радостью и мужеством» (p. 158).

Выступление и правда впечатляющее (хотя здесь, как и в других случаях, Лю значительно сгущает краски, чтобы получилась нужная ей картинка). Для Лю Опра — воплощенная политтехнология, человек, который научился переводить структурные политические конфликты на язык индивидуального исцеления, что оказалось очень доходным бизнесом. В конце концов, пишет Лю, в XXI веке Уинфри превратилась из телеведущей в культурную икону:

«[Она] стала объединяющим и терапевтическим голосом для нации после 11 сентября 2001 года, а также буквальным спонсором Билла и Хиллари Клинтон, Барака Обамы и Джо Байдена, которые переосмыслили Демократическую партию, превратив ее в рупор корпоративных интересов и увешанной регалиями элиты» (p. 147).

Особого упоминания заслуживает такое раннее (2004) проявление травма-культуры, как визит Билла Клинтона на шоу Опры[12], где он «значительную часть интервью посвятил объяснению своей интрижки с Моникой Левински через призму детской травмы».

Так в чем же, согласно Лю, вина Опры применительно к травма-дискурсу?

Во-первых, она помогла сформировать и закрепить как механизм все то, что говорилось про респонсибилизацию: «жертва больше не может просто надеяться на исцеление: она должна превратить свое страдание в ресурс — использовать его для прогрессивной политики, славы и материального успеха» (p. 153).

Во-вторых, важен личный пример Опры, которая «создала образ идеального либерального субъекта “конца истории” в телевизионную эпоху» (p. 156). Этот субъект способен распознавать ценность исповедуемого страдания (ценность не в духовно-исцелительном смысле, а в самом прямом, как

11 См.: www.youtube.com/watch?v=Nv4M4Hf0suU.

12 Видеозапись интервью, судя по всему, не сохранилась, но текстовый вариант доступен на сайте Опры: www.oprah.com/omagazine/oprah-interviews-president-bill-clinton.

commodity) и упаковывать его в гладкий нарратив, четко делящийся на ступени от травмы до освобождения (вспомним про Кэмпбелла и трехактную структуру сценариев).

В-третьих Лю намекает, что Опра наглядно являет собой пример солидарности элит, которая сильнее любых промоутируемых «либералами» идентичностей; в данном случае пересекающиеся (под)множества — это «чернокожие», «женщины» и «женщины, подвергшиеся когда-то насилию».

> «Опра — афроамериканская представительница класса белых воротничков, журналистка, вышедшая из среды лишений и насилия. Она стала капиталисткой, владелицей собственного бренда и главным управляющим механизмом компании, где единственный продукт — она сама — был вертикально интегрирован в созданную ею же медиальную империю (p. 157).

При чтении главы про Опру возникает ощущение, что Лю уже выходит за пределы иллюстративной задачи и начинает обвинять телеведущую во всех грехах сразу:

> «Псевдопрогрессивная повестка Уинфри оказала формирующее влияние на либеральные институты, от неправительственных организаций до академических кругов, журналистики, кино и телевидения, а теперь и на индустрию потокового вещания и социальных сетей» (p. 159).

За подобного рода риторикой можно легко потерять действительно интересные находки: например, что множественное расстройство личности, «современный аналог “истерии” времен начала психоанализа», существующий в основном только в США[13], не просто стало модным благодаря демонстрации одного такого травмированного пациента на шоу Опры, но и само по себе отражает структуру телевизионного опыта:

> «В одном из выпусков своего шоу, вышедшем 21 мая 1990 года, Опра Уинфри пригласила Трудди Чейз[14] — женщину, пережившую сексуализированное насилие в детстве и утверждавшую, что в результате у нее сформировались 92 различные личности[15]. Вместе с ней в студии присутствовал ее психотерапевт Роберт Филлипс, помогавший Чейз написать мемуары “When Rabbit Howls”. В ходе передачи Чейз *поочередно “переключалась” между своими личностями*, рассказывая о чудовищных эпизодах насилия, которому, по ее словам, подвергалась в раннем детстве.

13 Как «дисбактериоз» и «вегетососудистая дистония» существовали только в СССР.
14 См.: www.oprah.com/oprahshow/truddi-chases-multiple-personalities.
15 Это, кстати, не предел: в 2019 году после судебного процесса против отца-насильника получила известность история Джени Хейнс, которая утверждала, что в ней живут 2500 личностей (www.sbs.com.au/whats-on/article/dr-jeni-haynes-we-are-jeni-interview/nrocpa0ym).

Случай Чейз был предельно необычным, выходящим далеко за пределы повседневного человеческого опыта. Однако столь же безусловной выглядела и демонстрируемая на экране способность *контроля над этой травмой* — победа, достигнутая благодаря терапевтическому процессу и превращенная в телевизионное зрелище. […]

Переключение между личностями *напоминало переключение телевизионных каналов*. Публичная демонстрация диссоциации и смены идентичностей превращалась в особую форму зрелища, способную распространяться, подобно инфекции: зрители и специалисты наблюдали за симптомами, усваивали их и постепенно включали в собственный психологический и профессиональный репертуар» (p. 141–145; курсив мой).

Все это напоминает телеевангелизм — явление специфически американское, которое, впрочем, за счет распространения американского *soft power* широко распространилось в странах «третьего мира». К подлинному же терапевтическому исцелению, напоминает Лю, все это имеет примерно такое же отношение, как телеевангелизм к настоящей вере:

«В реальной терапевтической практике путь к исцелению начинается с отказа от того “я”, которое требует, чтобы его увидели и признали… Однако программы Уинфри не оставляют места для такого развития. Их сюжетная структура никогда не усложняется контекстом или исследованием более мрачных уровней нарциссизма и фантазии.

Уинфри превратила экран телевизора в зеркало, в котором страдающие массы могли увидеть человека, притворяющегося, что он их видит. Она проложила путь к тому, чтобы мы приняли смартфоны и чат-боты в качестве исповедален и родственных душ. Каналы самопознания, которые она открыла, принесли ей огромную прибыль, но оказались разрушительными для демократии и либеральной политики.

Жить в объективном мире, разделяемом с другими людьми, становится еще сложнее, если либеральный субъект профессионального управленческого класса убежден, что другие — особенно представители рабочего класса — должны без сопротивления подстраиваться под его картину мира» (p. 160).

«Traumatized» заходит в своем радикализме, по современным западным меркам, опасно далеко, (а) отказывая справочнику «Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders», основе современной фармаориентированной диагностической психиатрии, в легитимности, (б) сомневаясь в реальности множественного расстройства личности и (в) указывая на ошибочную конструкцию и бесполезность травма-терапии в ее текущем виде — и на неправильное понимание и применение методик, которые до этого использовались применительно

к очень конкретным ситуациям (посттравматическому стрессовому расстройству у ветеранов Вьетнама и жертв пыточных застенков Пиночета). За первые два пункта во времена Байдена Лю точно бы «отменили», а сейчас вряд ли. Скорее всего эту критику едва ли кто-то прочтет, а если и наткнется, то достаточно быстро — по ключевым словам и тональности — определит Лю в лагерь ультраправых и закроет книгу.

Вместо послесловия

Было бы неверным сказать, что с этой книгой «что-то не так»: скорее что-то не так с нашим стремительным политическим временем, в котором границы и тональности допустимого к обсуждению в общественной дискуссии меняются гораздо быстрее, чем успевает пройти издательский цикл.

Если попытаться серьезно критиковать «Traumatized» как книгу в целом, то основная претензия, наверное, будет такой: практически все, здесь изложенное, можно классифицировать по категории мнения, а не анализа. Переходы между изложением фактов и весьма одиозными выводами и предложениями практически отсутствуют, что создает стилистически довольно странное впечатление — как будто перед нами лоскутное одеяло, сшитое из разных кусочков, которые автор, не шибко задумываясь, пристыковывает друг к другу.

Композиция книги отличается исключительной рыхлостью: последовательность в проработке материала и накоплении примеров отсутствует, перед нами набор наблюдений и выкладок. Например «Заключение» таковым вовсе не является, это еще одна глава со своей историей, которая могла бы быть расположена в любом другом месте.

Тем не менее эта работа выгодно отличается от многих других левацких книг на тему «кто виноват и что делать», в том числе тех, которые автор этих строк ранее рецензировал для «НЗ»[16]. И это при том, что «Traumatized» разделяет с этими работами ряд их недостатков (например крайнюю избирательность материала, колоссальную претенциозность при небольшом объеме, фактологическую скудость). Лю нельзя обвинить в грехе, который сводит на нет ценность большинства подобных работ: она не замыкается в умозрительном «мире фей и единорогов».

Пытаясь понять, «что делать», и дойдя до конца логической цепочки вместе с Лю, мы упираемся именно в реальность — в мир,

16 См., например: Гелианов А. *Кислотный социализм, или Утопия возможности пересборки* // Неприкосновенный запас. 2024. № 4(156). С. 124–140.

захваченный и поделенный теми, кто совсем не заинтересован в том, чтобы делиться с нами. Лю честна в своих выводах (хотя они и несколько сумбурно сформулированы): нет, мы не можем ничего изменить без глобального демонтажа всей системы или хотя бы без как минимум переноса фокуса с воображаемых и перформативных ценностей вроде политики идентичности, навязанных Америке (и через экспорт *soft power* — всему миру) либерал-демократами, к реальным проблемам — например доступности работы и жилья, образования и медицины.

Обычно в 2026 году при таких тезисах оппонента сразу принято обвинять в симпатиях к Трампу и MAGA, но Лю не оправдывает республиканцев и никак им не симпатизирует — в паре мест она беспощадно констатирует, что либерал-демократы сами взрастили себе мощных врагов в лице нового поколения трампистов, которые попросту переняли их идеологическое оружие.

В любом случае травма-дискурс как медиаявление следует развенчать и упразднить наряду с «политиками идентичностей» как механизм, более не адекватный реальности (строго говоря, он никогда не был ей адекватен, но сейчас маски сорваны, причем со всех сторон):

> «Деполитизированную, технократическую, обслуживающую интересы *Big Pharma* версию травмы и исцеления, которую приняли на вооружение феминистки второй волны, специалисты по психическому здоровью и гуру самопомощи, уже нельзя откатить обратно. Ее невозможно сколько-нибудь убедительно переосмыслить в интересах левой, материалистической политики. Реакционная технократическая логика культуры травмы слишком могущественна. Ее буржуазное мировоззрение по-прежнему сохраняет идеологическую гегемонию.
>
> Дискурс травмы не позволяет по-настоящему поставить в центр внимания классовые увечья [*the injuries of class*] — ту медленную форму насилия и ту колоссальную психологическую цену, которую люди платят за существование в экономической системе, сознательно устроенной так, чтобы лишать работников квалификации, разрушать ремесленное мастерство и извлекать прибыль, на которую сами работники никогда не смогут претендовать.
>
> У всех нас капитал крадет лучшую часть рабочего дня и лучшие силы ума, но именно те, кто находится вне управленческих слоев, в наибольшей степени испытывают на себе принуждение эксплуатации. Деквалификация труда и превращение человеческого творчества в инструмент производства наносят психологический ущерб, который культура травмы не способна ни исцелить, ни даже осмыслить» (p. 122).

Так что же делать? Прямого ответа Лю не дает, и вряд ли он тут возможен: любая революционная возможность зависит

от уникального стечения обстоятельств. В книге, впрочем, сочувственно упоминается Берни Сандерс — единственный «социалистический» кандидат в президенты, который баллотировался в 2016-м и 2020 годах и был в итоге затравлен собственной же Демократической партией в пользу более медийных кандидатов.

> «Сохранить социалистическую перспективу оказалось невозможно под натиском неолиберальной пропаганды и риторики социальной справедливости, направленных против приоритетов исторического материализма.
>
> После ожесточенных нападок либералов на политический проект Сандерса плюрализм идентичностей, с готовностью воспринятый частью его самых преданных сторонников, стремительно вытеснил классовую политику как основу политического действия» (p. 7).

На следующие выборы 84-летний политик вряд ли пойдет, так что его политическое место должен занять кто-то другой — но успех этого предприятия совершенно не гарантирован: ведь если у абсолютно системного Сандерса, рекордсмена по длительности пребывания в Конгрессе США, ничего не вышло, то у кого получится?

В каком-то смысле это и есть тот ответ, который дает Лю: никакие дальнейшие изменения системы в ее текущих рамках, которые привели бы к тому, что ситуация станет *лучше*, уже невозможны. Либеральный технокапитализм, использующий всю мощь нарратива «пути травмированного героя», а теперь еще и располагающий искусственным интеллектом (до 30% пользователей нейросетей используют их именно в качестве психотерапевта[17]), зашел слишком далеко и своих позиций не сдаст.

17 См. https://news.llu.edu/health-wellness/can-i-use-ai-my-therapist-truth-about-turning-chatbots-therapy; www.apa.org/pubs/reports/chatbots-mental-health-2026.